

Сергей ОБРАЗЦОВ

ПО СТУПЕНЬКАМ ПАМЯТИ

Дорогие читатели «Учительской газеты»!

Я пишу сейчас книгу, которая будет называться «По ступенькам памяти». Мне уже больше восьмидесяти лет. Я прожил большую жизнь. Даже царя видел. У меня взрослые дети, взрослые внуки и маленькие правнуки.

Иногда я рассказываю моим внукам о разных событиях моей жизни. Они говорят, что это им интересно. Вот я и подумал, что, может быть, не только им это будет интересно, и решил пройти по ступенькам памяти с самого раннего детства. С трех лет.

Первые сто ступенек будут осенью напечатаны в «Новом мире». А для вас редакция «Учительской газеты» выбрала две ступеньки. Буду очень рад, если они вам понравятся.

Сергей ОБРАЗЦОВ.

В опере

Мама с папой взяли меня в театр. Он называется Большой. Ехали туда на извозчике. Я у мамы на коленях. Это недалеко. По Мясницкой улице через Лубянскую площадь. Там по кругу ходят электрические конки. (Так мы тогда называли трамваи). Как это люди не боятся переходить эту площадь? Так много электрических конок и все звонят. Когда я вырасту, никогда не буду переходить эту площадь.

Ехали вдоль стены, у которой памятник. Стоит черный человек и держит в руке черную книгу. Подъехали к театру. Я его, оказывается, раньше знал. Он рядом с Мюр-и-Мерилизом. (Теперь это называется ЦУМ). Мы там с мамой два раза были. А за Мюр-и-Мерилизом — пассаж и в нем магазин со смешным названием Сосипатр Сидоров. Там мама купила простыни.

В театре мы сидим в ложе, так этот кусок балкона называется. Перила бархатные, красные, а внизу много людей. Все шевелится и очень много лысых. Впереди раскрашенная стена. Потом погас свет. Перед стеной из ямы поднялся человек и начал махать палочкой. И эта палочка стала очень громко играть. Непонятно, как может играть палочка?

Потом стена поднялась и за ней оказались люди в разных красивых платьях, и тогда все, кто сидел в театре, стали, как маленькие, хлопать в ладошки. И мама с папой стали хлопать.

Никогда я не думал, что мама с папой будут так делать. Я спросил маму: зачем они хлопают, и она сказала, что в театре всегда так делают, если что-нибудь нравится. Тогда и я стал тоже хлопать в ладошки.

Толстая дама с голыми плечами стала глядеть на человека с палочкой, сильно открывать рот колечком и очень громко петь. Голос у нее дрожал. Очень сильно дрожал. Особенно в конце, когда она прямо-таки закричала. И тогда все стали быстро бить в ладошки.

Мама спросила: «Тебе нравится?». Я сказал: «Очень нравится». А внизу какой-то мужчина закричал «браво», и еще женщина закричала тоже «браво». Значит, вот как надо петь, а не так, как мы с мамой и с папой поем после ужина.

После оперы

Я забрался в кусты Бабыкапинского сада. В акацию. И там долго учился петь, как в Большом театре. Чтобы голос дрожал. Не очень получалось, но все-таки похоже. Бабе Капе надо показать. Вот она удивится.

Жила Баба Капа во втором этаже. В мансарде. Я сел на верхнюю ступеньку деревянной лестницы под самой дверью Бабы Капы и запел. У-у-у за-а-ри-и-и и у зо-о-о-ре-е-еньки. Баба Капа открыла дверь и сказала: «Что с тобой, Сережа? Почему ты так противно ешь?».

Это было мое первое актерское выступление с расчетом на то, чтобы поразить слушателей, и первый мой актерский провал. Я заплакал и побежал по лестнице. Выскочил из дома и спрятался под балконом, где и просидел до самого ужина в темном углу. На зашедших под балкон цыплят рассердился и прогнал их комочками земли. Зачем они пищат?

Назавтра решил прополоть огурцы. Мою грядку. Сам посадил. Баба Капа сказала — надо полоть. Полю, полю. Трудно. Какие-то длинные шершавые плети. Никак не выдергиваются. Пришла Баба Капа. Удивилась: «Что ты делаешь? Ты же все огуречные плети выдергивал, а сорняк оставил».

Я заревел, а она говорит: «Не плачь. Вырастешь, научишься огурцы полоть. Ты же еще маленький». А я говорю: «Не хочу вырастать. Хочу всегда быть маленьким. Тетя Надя сказала, что у меня золотое детство». А Баба Капа говорит: «Глупость сказала тетя Надя, а ты повторяешь. Хорошо быть взрослым, а не маленьким. Взрослый что хочет, то и делает, а маленький только то, что мама позволила, либо папа. Вот ты все хочешь на Огоньке верхом кататься, как дядя Петя. А тебе говорят нельзя. А вырастешь, куда хочешь на Огоньке поедешь. Хочешь в Суханово, хочешь в Домодедово».

Очень хороший был Огонек. Добрый. Я его с ладошки посоленным черным хлебом кормил. Губы мягкие, с тоненькими волосиками.

Вот сейчас я вспоминаю Бабу Капу и думаю, как она мне правильно по носу дала и за хвостовство оперным пением, и за глупое кокетство: «хочу быть маленьким». Очень важно в детстве вовремя получать по носу.

Коленки

Мне четырнадцать. Я перешел в пятый класс. Учитель русского дал домашнее задание на лето. Прочитать «Обрыв» Гончарова и написать изложение. Прочитал. Изложение написал и получил четыре с плюсом.

Все про любовь. Интересно, только очень длинно. Но по правде-то я не все понял. Например, у бабушки тоже что-то в прошлом было не очень приличное, как у Веры, а что, было не написано. Наверное, в той же беседе все было на обрыве. Жаль, что снесли, наверное. Красивая была.

И еще совсем непонятно про Марфиньку. Она такая хорошая и честная, что когда сидит рядом с Райским, который в нее влюблен, совсем даже не замечает, что прикасается своей коленкой к коленке Райского. А что тут замечать? Непонятно. Разве коленка это неприличное место? Никогда про это не знал.

И теперь, когда играем в испорченный телефон и рядом сидит девчонка, всегда думаю, прикасается моя коленка к ее коленке или нет.

Мне Вера Голинская нравится. Она старше. В шестом классе женской гимназии. Сильная такая. Если с ней бороться, обязательно повалит. Говорит, что я ни попросу — все сделает. При всех сказала. Я говорю: «Расплети косу». Она взяла и расплела. У нее по пояс волосы. Все захотели. Глупо это.

После обеда из пустыни брянцевские девки мимо забора шли. С здоровенной собакой. Дружок залаял, а брянцевская собака в калитку вскочила и на Дружка. Прямо в шею вцепилась. Дружок визжит, а Вера схватила собаку за хряпку и за кожу у хвоста и подняла прямо в воздух. Такую огромную собаку! Дружок убежал. Вера отпустила собаку. Девки ее позвали, и она за ними побежала.

Молодец Вера. Сильная какая! И храбрая.

А коленки у нее толще моих. Вообще у девочек коленки толще, чем у мальчиков. Это, когда мы в испорченный телефон играем, очень даже видно.

Вчера играли. Я рядом с Верой последним сидел. Мы на длинном бревне всегда сидим, когда в этот телефон играем. Интересно. Первым сидел Верин брат, Жоржик Голинский. Он кадет. Сейчас-то как все, в коротких штанах да в рубашке, а из Москвы в форме приехал. Красиво — черная форма, красные погоны и красный околыш на фуражке. А Вася Костомаров гимназист. У него светло-серая форма и на ремне серебряная бляха. Я реалист, у меня темно-зеленая форма и медная бляха. На ней буквы выдавлены: Р. У. — реальное училище. Гимназисты нас, реалистов, дразнят — «рваные уши».

Зимой гимназисты и реалисты часто дерутся. Прямо класс на класс. Ремнями. Этими самыми бляхами. Здорово больно. Бывает, и в кровь.

Ну а летом-то мы, конечно, не в форме. Все голоногие, в коротких штанах. Мальчишки,

конечно. Девчонки в юбках, но тоже голоногие.

Сидим на бревне. Жоржик первое слово придумал и в ухо Ленке сказал, та засмеялась и в ухо Вале. Тоже шепотом, чтобы другие не слышали. Когда слово до меня дошло, мне его Вера в ухо надышала. Чудное какое-то слово. Даже вроде два: «пальцы в акации». Я, как полагается, сказал его громко. Все засмеялись. Оказывается, первое-то слово было «фальсификация». Это Жоржик придумал. Я такого слова и не знал никогда. А Вера, оказывается, знала. Говорит, это значит обман. И опять ее коленка об мою стукнулась. Никогда я до этого самого «Обрыва» на такое внимания не обращал.

Ступеньку эту я написал только сейчас, когда мне уже давно за восемьдесят. Писать старался так, как тогда думал и чувствовал, и, уверен, что не только меня одного в детстве тревожили в книгах, написанных разными писателями, события или мысли, рассчитанные на взрослых, на их жизненный опыт, а совсем не на детскую неопытность. Раньше времени тревожили.

Уверен, что литературу нельзя преподавать как науку. Это искусство. Причем из всех искусств, пожалуй, самое сильное. Осторожно с ним надо обращаться и пользоваться не для обучения, а для воспитания, иначе дров наломаешь кучу. Наковыркаешь детям души. Недавно в книге комментариев Лотмана к «Евгению Онегину» прочел строчки, не вошедшие в окончательный печатный текст романа:

Нас пыл сердечный рано мучит.

Очаровательный обман, Любви нас не природа учит, А Сталь или Шатобриан. Мы алчем жизнь заранее,

Мы узнаем ее в романе. Мы все узнали, между тем Не насладились мы ничем; Природы глас предупреждай. Мы только частью вводим. И поздно, поздно вслед за ним

Летит горячность молодая. Оказывается, не только я против раннего чтения взрослых книг, а и Пушкин тоже.

Теперь в спорах об этом с учителями буду их пушкинскими стихами, как козырным тузом, бить.

НА СНИМКЕ: закончился спектакль в Центральном театре кукол, но дети не спешат уходить. Их ждут неожиданные встречи...

— Ну что, ребята, интересно было?

— Еще как интересно! Те, кто попал на этот снимок, наверное, вырежут его из газеты и сохранят надолго: еще бы — сфотографироваться вместе с самим Сергеем Владимировичем Образцовым!

Фото П. ШЕБАНКОВА.